

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 82-3:808.2
ББК 84-4:81.411.2
DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-21-34

**ЗЕМЛЯ КАК МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА:
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, А. ПЛАТОНОВ, И. ШМЕЛЕВ**

**Светлана Анатольевна Скуридина,
Надежда Борисовна Бугакова,
Елена Олеговна Кузьминых**

Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности восприятия образа земли героями произведений Ф.М. Достоевского, А. Платонова, И.С. Шмелева. Определяется, что мир образов, создаваемый Ф.М. Достоевским, А.П. Платоновым и И.С. Шмелевым в художественных текстах, выстраивается на основании смысловых оппозиций: *жизнь – смерть, день – ночь, человек – природа, свое – чужое*. Одной из очевидных оппозиций, функционирующих в текстах исследуемых писателей, является оппозиция *земля – небо*. Восприятие образа земли у исследуемых писателей происходит в рамках мифопоэтической парадигмы, но при этом каждый из них творит свой миф.

Ключевые слова: *мифопоэтическая модель мира; смысловые оппозиции; земля; Ф.М. Достоевский; А. Платонов; И.С. Шмелев*

Для цитирования: *Скуридина С.А., Бугакова Н.Б., Кузьминых Е.О.* Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А.Платонов, И. Шмелёв // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 3. С. 21 – 34.

Original article

**THE EARTH AS A MYTHOPOETIC CONSTANT:
F.M. DOSTOEVSKY, A. PLATONOV, I. SHMELEV**

Svetlana A. Skuridina, Nadezhda B. Bugakova, Elena O. Kuzminykh

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Abstract. The features of perception of the image of the earth by the heroes of the works of F.M. Dostoevsky, A. Platonov, I.S. Shmelev are considered. It is determined that the world of images created by F.M. Dostoevsky, A.P. Platonov and I.S. Shmelev in artistic texts is built on the basis of semantic oppositions: *life – death, day – night, person – nature, one's own – another's*. One of the obvious oppositions functioning in the texts of the authors under study is the earth–sky opposition. The perception of the image of the earth among the writers under study occurs

within the framework of the mythopoetic paradigm, but at the same time each of them creates his own myth.

Keywords: *mythopoetic model of the world; semantic oppositions; earth; F.M. Dostoevsky; A. Platonov; I.S. Shmelev.*

For citation: *Skuridina S.A., Bugakova N.B., Kuzminykh E.O.* The Earth as a Mythopoetic Constant: F.M.Dostoevsky, A.Platonov, I. Shmelev // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 2. P. 21 – 34.

Введение

Каждый человек, в том числе и писатель, так или иначе погружен в мифологическую культуру, что, бесспорно, находит отражение в его творчестве. Мифологический материал может «вплестаться» автором в ткань художественного произведения не только сознательно, но и бессознательно: «Миф, намеренно или инстинктивно введённый в художественное произведение, с легкой руки писателя обрастает новыми смыслами, авторское мышление, взаимодействуя с мышлением мифопоэтическим, перерабатывает существующий миф, создавая миф, который в каждом случае, безусловно, отличен от первоначального» [Скуридина, 2016, с. 143].

Мир образов, создаваемый Ф.М. Достоевским, А. Платоновым и И. Шмелевым в художественных текстах, выстраивается на основании смысловых оппозиций: *жизнь – смерть, день – ночь, человек – природа, свое – чужое*. Одной из очевидных оппозиций, функционирующих в текстах исследуемых писателей, является оппозиция *земля – небо*, выделяемая нами в соответствии с теорией В.Н. Топорова о мифопоэтической модели мира [Топоров, 1980, с. 161]. По мнению исследователя, мифопоэтический мир – это система двоичных представлений, называемых бинарными оппозициями, которые определяли временные, социальные, пространственные и прочие характеристики мира. По словам В.Н. Топорова, функционирование оппозиции «земля – небо» обусловлено тем, что «противопоставление небо – земля (подземное царство) воплощено в приурочении божества к небу, человека к земле» [Топоров, 1980, с. 162].

Исследованию образа земли в русской народной культуре посвящены работы С.В. Максимова, отмечающего, что «по всеобщему верованию, самая стихия эта настолько свята и чиста, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям» [Максимов, 1903], О.В. Кривалевой, представляющей «реконструкцию основных параметров языковой картины реального и вымышленного миров, связанных с восприятием ориентационных понятий «неба» и «земли» носителями русского и немецкого языков [Кривалева, 2008], М.В. Пименовой и Е.А. Мошиной, рассматривающих мифологему *Мать-сыра-земля* в рамках русской языковой картины мира [Пименова, Мошина, 2021]. Нужно отметить ряд работ, в которых образ земли рассматривается как определяющий для творческой лаборатории некоторых писателей: А.Г. Костина выявляет, что земля выступает фольклорным элементом индивидуально-авторской картины мира В. Распутина [Костина, 2005],

С.А. Скуридина, обращаясь к специфике имен собственных в произведениях Ф.М. Достоевского, указывает, что мифопоэтические константы *земля* и *небо* являются основополагающими элементами ономастического кода писателя [Скуридина, 2016; 2017].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена отсутствием в современной науке работ, рассматривающих в сопоставительном аспекте образ земли в текстах Ф.М. Достоевского, А. Платонова и И.С. Шмелева.

Исследование и его результаты

В творчестве Ф.М. Достоевского мифологема земли, истоки формирования которой подробно описаны в работе С.Д. Снигиревой [Снигирева, 2020, с. 51], представлена синкретическим образом, воплотившим в себе языческие и христианские традиции: «...*Богородица – великая мать сыра земля есть*», – уясняет от старицы Хромоножка в романе «Бесы» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 116; далее при цитатах из произведений Достоевского указывается в круглых скобках том и страница]. По мнению Ф.М. Достоевского-почвенника, высказавшего свои мысли на страницах «Дневника писателя» (1876), «*в земле, в почве есть нечто сакральное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей подделать людей, то наделите их землей – и достигнете цели*» (т. 23, с. 98). В рукописных редакциях к роману «Бесы» содержится синонимичная фраза: «*Я утверждаю, что с поднятием земледелия у нас будет уничтожаться атеизм*» (т. 11, с. 307).

Для Ф.М. Достоевского земля – это не только субстанция, в которой зарождается жизнь, земля, прежде всего, – первоисточник духовности, так как с мифологемой матери-земли связана идея воскрешения духовно погибшего человека, поэтому совершившему преступление Раскольникову Соня Мармеладова убежденно советует: «*Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда бог опять тебе жизни пошлет*» (т. 6, с. 322). Мотив покаяния, связанный с образом земли, восходит к народной культуре (ср. в народной поэзии: «Ух, как каялся молодец сырой земле...») [Демин, 1967, с. 463]. Интересно, что, замыслив преступление, а также после него Раскольников все время смотрит в землю: «*глядел в землю*» (т. 6, с. 55); «*Он шел и смотрел в землю*» (т. 6, с. 132); «*он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре*» (т. 6, с. 201).

Земля – свидетельница всего хорошего и плохого, что происходит со всем человечеством и с каждым человеком в отдельности, поэтому случайно мещанин, сказавший Раскольникову, что он «убивец», выходит как будто из-под земли: «*Кто он? Кто этот вышедший из-под земли человек?*» (т. 6, с. 210). Уже в участке, в ожидании Порфирия Петровича Раскольников размышляет: «*Всё тверже и тверже укреплялась в нем мысль, что если бы действительно этот загадочный вчерашний человек, этот призрак, явившийся из-под земли, всё знал и всё видел, – так раз-*

ве дали бы ему, Раскольникову, так стоять теперь и спокойно ждать?» (т. 6, с. 210). «Явившийся из-под земли» – свидетель преступления, он не только видел, но и ведаёт (ст.-слав. *свьѣдѣтель*), знает о содеянном Раскольниковым.

Веру в целительную силу земли Ф.М. Достоевский пронес через всю свою жизнь. В романе «Бесы» Иван Шатов, подобно Соне Мармеладовой, обращается к Николаю Ставрогину: «*Целуйте землю, облейте слезами, просите прощения!*» (т. 10, с. 202), а Хромоножка повторяет слова старицы: «*А как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься*» (т. 10, с. 116). В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима увещевает: «*Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби*» (т. 14, с. 292).

В первом романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» с образом земли связаны хронотопические характеристики: в сознании Вареньки и Макара Алексеевича «здесь и там» соотносятся с «сейчас и тогда», возникает противопоставление «здесьней» и какой-то другой земли, но, к сожалению, данные образы не идентичны в сознании героев. В одном из писем Макару Варенька, сохранившая воспоминания о своей жизни в «добром селении» (отсюда, полагаем, и фамилия *Доброселова*, см.: [Скуридина 2018, с. 84]), возникает образ «здесьней земли» – той, в которой она не хочет оказаться после смерти: «*Я часто думаю о том, что умру, но всё бы мне не хотелось так умереть, – в здесьней земле лежать*» (т. 1, с. 84). Для Макара Девушкина «здесьняя» земля лучше, так как земля, куда Быков увозит Варвару Доброселову, грозит смертью: «*Вы там умрете, вас там в сыру землю положат: об вас и поплакать будет некому там!*» (т. 1, с. 107). Образ земли, как видим, имеет не только пространственные индикаторы «там – здесь – там», но и временные – «тогда – сейчас – тогда», соотносимые с конкретными реалиями – «доброе селенье» из Варенькиных воспоминаний – нынешний Петербург, в земле которого не хочет лежать Варенька, – имение Быкова, где ее точно «в сыру землю положат». Таким образом, обращение к образу земли позволяет увидеть, что счастье Варвары только в прошлом, настоящее и будущее ассоциируется со смертью: «*Я часто думаю о том, что умру, но всё бы мне не хотелось так умереть, – в здесьней земле лежать*» (т. 1, с. 84). Мотив будущей смерти поддерживается обещанием Макара Девушкина бежать за каретой («...я за каретой вашей побегу, если меня не возьмете, и буду бежать что есть мочи, покамест дух из меня выйдет» (т. 1, с. 107)), коррелирующим с описанием похорон студента Покровского, когда его отец бежит за гробом (т. 1, с. 45).

Как видим, образ земли у Ф.М. Достоевского амбивалентен – с ним связаны как жизнь, так и смерть, что обусловлено восприятием земли как порождающей субстанции: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24).

Интересно, что А. Платонов, категорично отозвавшийся о Ф.М. Достоевском и его героях в статье «Достоевский», отрекшийся и пытавшийся оттолкнуться от его философии и противопоставить ей свое мировоззрение, землю воспринимает в духе идей создателя «Великого пятикнижия»: Мать-сыра земля, которую на каждой «молитве, творя земной поклон» (т. 10, с. 116), целует и орошает слезами Хромоножка, воспринимается героями А. Платонова как живое существо: «Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покатый против неба живот земли, вдыхающий в себя ветер и жмующийся под тяжестью пешехода» [Платонов, 1988, с. 195].

С землей у А. Платонова были особые отношения, основанные, в том числе, и на его личных пристрастиях и убеждениях. Известно, что долгое время писатель работал губернским мелиоратором в Воронеже, где он родился и жил [Бугакова, 2021, с. 611]. Писатель был очень озабочен состоянием земель в СССР, считал, что необходимо сделать плодородной максимальное количество земли, а для этого необходимо провести мелиоративные работы. «Что такое земля? Земля это весь мир, с пашнями, цветами, людьми, реками, облаками. Земля – это то, откуда мы вышли и куда мы уйдем, где мы живем, радуемся и боремся» – задумывается А. Платонов в «Ювенильном море» [Платонов, 1988, с. 36].

В подобных размышлениях А. Платонова находит зафиксированное в народном сознании восприятие отношений Неба и Земли как брачного союза, «причем Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле – воспринимающий, женский» [Афанасьев, 1995, с. 87]. В соответствии с подобным восприятием принято считать, что «летнее Небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несет плод; не согретая весенним теплом, не напоенная дождями, она не в силах ничего произвести» [Афанасьев, 1995, с. 87]. На необходимость дождей для плодородности земли писатель обращает внимание в романе «Чевенгур», один из центральных персонажей которого – старший сын Прохора Абрамовича, усыновившего Сашу Дванова, демонстрирует свои переживания по поводу засухи, и, как следствие, отсутствия урожая: « – Ну никак нету дожжей! – пожилым голосом сказал Прошка и плюнул сквозь переднюю щербину рта. – Ну, никак: хоть ты тут ляжь и рашибишь об землю, и дол ее намочи!» [Платонов, 1988, с. 205]. Для образования онима *Прошка* автор использует диминутивную форму онима *Прохор*. Однако употребление диминутива совсем не означает маленькой роли Прошки в семье и в романе в целом. Напротив, в семье он выполняет функции главы семьи, отца, которые сам на себя и возлагает. «Взрослость» Прошки автор подчеркивает также, когда характеризует его голос как пожилой. Переживания Прошки по поводу отсутствия дождей отражаются в повышенной эмоциональности его речи. Использование героем оборота «рашибишь об землю» демонстрирует состояние крайнего отчаяния. Земля в приведенном примере выступает средством, при помощи которого можно завершить страдания. По-

добное определение земли не соответствует традиционным значениям лексемы *земля*, зафиксированным в толковых словарях, где земля – это «1. Третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и вокруг своей оси. 2. Суша в противоположность водному или воздушному пространству. 3. Почва, верхний слой коры нашей планеты, поверхность. 4. Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты. 5. Страна, государство. 6. Территория с угодьями, находящаяся в чьем-н. владении, пользовании. 7. В Австрии и Германии: административно-территориальная (федеративная) единица» [Ожегов, 1997, с. 369]. Скорее в подобном употреблении лексемы *земля* находят отражение представления автора о земле как о живом существе, имеющем определенную силу.

Вообще к природе, и, в частности, к земле и ее обитателям, писатель относится совсем не так, как к человеку. В романе «Чевенгур» устами одного из героев, Захара Павловича, автор передает восхищение природой и ее творениями: «*Дать бы нам муравьиный или комариный разум – враз бы можно жизнь безбедно наладить*» [Платонов, 1988, с. 253]. А. Платонов обращает внимание на величие природы по сравнению с человеком в одном из произведений «азиатского» цикла: «*Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг, и кора его, изболевшая, изъеденная зверями, <...> но сберегшая под собой все соки, была тепла и добра на вид, как земляная почва*» [Платонов, 1983, с. 523]. Автор, используя прилагательное *земляная* (в значении «из земли» [Ожегов, 1997, с. 371] в словосочетании *земляная почва*, создает плеоназм. Почва – это верхний слой земной коры [Там же, с. 586]. Описывая дерево, под которым сидит Заррин-Тадж, писатель сравнивает его кору именно с верхним слоем земли, обращая внимание читателя на то, что земля жительницей Средней Азии воспринимается как нечто твердое, покрытое неплодородной коркой, и лишь на вид доброе и теплое.

Земля – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья. Но для того, чтобы земля была доброй по отношению к человеку, необходимо соблюдение определенных условий. За землей надо ухаживать: «Кто не почитает земли-кормилицы, тому она <...> не даст хлеба» [Кузнецов, 2008, с. 252], т.е. без должного внимания земля становится недружелюбной по отношению к человеку: «*Тяжела оказалась земля на лугах: как земля та сделалась, так и стояла непаханая*» [Платонов, 1983, с. 727].

Губительным для земли, как мы уже отмечали, является отсутствие воды. «Плодотворяющая сила <...> дождей ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, деревья и дает пищу человеку и животным» [Афанасьев, 1995, с. 87]. В текстах А. Платонова отмечается разрушительное влияние на землю не только отсутствия влаги, но и наличия людей, которые, по мнению автора, способны уничтожить природу: «*Когда овцы начинали худеть или дохнуть от бестравия, Атах-баба велел <...> уходить в дальнейшее безлюдие, где земля свежее и еще стоит*

нетронутой бедная трава» [Платонов, 1983, с. 521]. Трава для А. Платонова – бедная, терпит страдания от присутствия людей, а безлюдие – это хорошо для природы, в частности, для животных.

Частотны в текстах А. Платонова демонстрации вредоносного влияния жары, которая влечет за собой гибель урожая, и, как следствие, гибель людей. Земля, находящаяся под действием жары, обезвоженная, – несчастная земля: *«нужно было проходить долгие такыры, самую нищую глинистую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба, где бог держал когда-то своих мучеников, но и мученики умерли, высохли в легкие ветви, и ветер взял их с собою»* [Платонов, 1983, с. 523]. В подобном понимании земли находит отражение мифологическая картина мира, в соответствии с которой «губительное действие зноя приписывалось гневу раздраженного божества, наказующего смертных своими огненными стрелами – жгучими лучами» [Афанасьев, 1995, с. 87]. Те, кому удавалось избежать гнева этого божества, были счастливыми: *«Они счастливые, – сказала мать, – они могут улететь на дальние реки, за горы, где растут листья на деревьях и солнце прохладно, как луна»* [Платонов, 1983, с. 524]. Повести «азиатского» цикла особенно подчеркивают важность воды и прохлады. Полагаем, это обусловлено особыми климатическими условиями, в которых существует природа Средней Азии. Однако не все герои разделяют эту точку зрения. Так, например, героиня повести «Такыр», созданной А. Платоновым в 1934 г. на основе впечатлений о поездке по Средней Азии, *«не тосковала о реках и листьях. Она росла здесь, между барханами, и с высоты песков, насыпанных ветром, видела, что земля повсюду одинакова и пуста»* [Платонов, 1983, с. 526].

Но не всегда земля неприветлива. Возможны ситуации, когда земля выполняет функции матери-земли, согревает, укрывает, дарит спокойствие; так, центральный персонаж романа «Чевенгур», сирота Саша Дванов, *«прокрался к могиле отца и залег в недорытой пещерке. <...> близ отца уснул так же спокойно, как когда-то в землянке»* [Платонов, 1988, с. 203]. Становится очевидным, что для того, чтобы земля помогала и защищала, необходимо углубиться в нее. Этот мотив достаточно популярен в творчестве А. Платонова; герои текстов всегда стремятся углубиться в недра земли, так как интуитивно понимают, что найдут там то, что ищут, земля защитит и поможет (см., например, «Котлован»). А земли Средней Азии неприветливы и пусты как раз потому, что там нет углублений (такыр – «такыры; с тюрк. – «гладкий, ровный, голый» [Ожегов, 1997, с. 459], хотя даже герои «Такыра», жители пустыни, перемещаясь в пространстве, всегда стараются найти колодец, около которого и будет их пристанище [Платонов, 1983, с. 526]. Стремление проникнуть внутрь земли продемонстрировано и в рассказе «Земля», герой которого задается вопросом *«Звезды идут от земли все выше, почему не ниже»* [<https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6>]. Живя на земле жизнью обычного человека, Ваня, герой рассказа, мечтает *«о другой земле, которую можно сделать из этой»* [<https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6>].

В отличие от А. Платонова, критически относившегося к взглядам Ф.М. Достоевского, И.С. Шмелев отзывался о нем с восхищением, в некотором роде наследовал его творчеству, заимствовал многие мотивы и образы, соотнося их с новыми историческими реалиями. В своей статье «О Достоевском. К роману “Идиот”» И.С. Шмелев писал: «Он многое осветил, очищая ото лжи и грязи, откапывая заживо погребенную Россию, – былую “Святую Русь”» [Шмелев, 1998–2000, т. 1, с. 577; далее в ссылках на это издание указаны только страницы в круглых скобках]. Мифологема *Святая Русь* является одной из ключевых в творчестве писателя. Как отмечает В.Н. Топоров, в славянских, балтийских и иранских языках слово «святой» (праслав. *svent*) происходит от индоевропейского *k'uen-to-* – возрастать, увеличиваться, цвести, плодоносить. Впоследствии «святость переносится с природы на человека (и сверхчеловеческое) – с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на отвлеченное и незримое» [Топоров, 1995, с. 490]. В. Лепяхин, опираясь на исследование В. Топорова, делает вывод: «... емя свята уже потому, что она цветет и плодоносит. Люди, жители земли, становятся носителями этой святости, благодаря уже тому, что они на ней живут» [Лепяхин, URL]. Можно предположить, что в творчестве И. Шмелева отразилось восходящее к древнерусской культуре представление о том, что Святая Русь – это не только сакральное пространство, но и одухотворенное природное начало – плодородная земля, образ которой соотносится с языческими представлениями о «матери-сырой земле».

Одним из ключевых «природных» символов в творчестве писателя (наравне с образом неба) следует признать сакрализованный образ земли, наиболее полно раскрываемый в рубежном произведении «Солнце мертвых». В основу сюжета эпопеи положены впечатления от пребывания И. Шмелева в Крыму после революции и смерти любимого сына, органически вплетенные в эсхатологический миф. Комплекс идей, связанных в сознании писателя с образом земли и нашедших отражение в эпопее, обозначен в его письме к С.И. Гусеву-Оренбургскому: «Я не хочу остаться в татарской земле. Здесь все – могильно. <...>... Не полгчало мне на юге, слабею я, боюсь погибнуть в земле татарской. По Руси, по родной, мягкой земле тоска» (цит по: [Спиридонова, 2014, с. 65]).

Нетрудно заметить, что свою жизнь в Крыму И. Шмелев оценивает через отношение к земле, являющейся частью оппозиции «*своя – чужая*». К определяющим характеристикам «*своей*» земли следует отнести близость к родине, население, разделяющее веру писателя, и ее плодородие, характеризующее И. Шмелевым через эпитет «мягкая».

Переломный исторический момент, к которому относятся описываемые в эпопее события, воспринимается автором, как конец света, главными признаками которого становятся *голод и смерть*. Люди вынуждены выживать на нещадно палимой солнцем, превратившейся в каменную пустыню крымской земле. По мнению И.А. Ильина, «заглавие “Солнце Мертвых” – с виду бытовое, крымское, историческое, таить вь

себѣ религиозную глубину: ибо указывает на Господа, живого въ небесахъ, посылающаго людямъ и жизнь, и смерть, – и на людей, утратившихъ его и омертвѣвшихъ во всемъ мірѣ» [Ильин, 1959, с. 159]. Если до революции *«люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне»* (с. 605), то теперь Бог-солнце отвернулся от них, лишив почву влаги и способности порождать живое. Плодоносящая земля в тексте эпопеи становится сухой, твердой, как камень, (в тексте многократно упоминается, что птицы и люди «долбят» землю) и пустотой: *«...и виноградники, и сады, и дачи, все – бесхозяйственное, все – пустое»* (с. 484).

Земля олицетворяет «творящую жизнь» (с. 605). Пренебрежение и насилие над ней сурово карается. Главная задача человечества, согласно Шмелеву, – облагораживание земли, превращение ее из безжизненной каменной пустыни в плодоносящую почву, которая может обеспечить «хлебом насущным». *«Кому понятно молитвенное служение на полях, в садах и хлевах – песнь славословия рождающемуся ягненку, в колос выбивающимся хлебом?»* – задается вопросом автор. И сам себе отвечает, что *«понятна она душе парящей, сердцу, живущему в ласке с землей и солнцем; понятна уху хозяина, которое слушать умеет прозябание почек в весеннем ветре, в благодатных дождях, под радугой. Дики и непонятны эти земные песни душе пустой и сухой, как выветрившийся камень»* (с. 569). Противопоставление земли камню через образы души парящей и пустой, свидетельствуют о сближении в мировоззрении писателя земли и неба. Земля не только кормит, но и одухотворяет человека. Любовь к ней – это возможность приблизиться к небу и к Богу. В свою очередь, пренебрежительное отношение к ней – это путь вниз к хаосу и небытию, которое в тексте произведения выражено через образ камня-тьмы.

Отношение к земле становится мерой оценки нового исторического строя. Для И. Шмелева ухоженная земля – это воплощение культуры (здесь реализуется основное значение слова *cultura* – «*обработка и уход, возделывание, возделка*») [Даль, 2006, т. 2, с. 221]. Неслучайно доктор, говоря о новых хозяевах жизни, в один ряд ставит отобранные ими мотыги, лопаты и культуру. Плодоносящая земля, в которую человеческий труд превратил каменную почву Крыма, маркирует уходящую в прошлое размеренную жизнь. Символом дореволюционной эпохи становятся сады. Мечту о своем саде, возникшем на месте пустыря, воплощают все «созидатели»-интеллигенты, проживающие на маленьких дачках. Сад для них – это символ природного цикла, круга, извечного обновления, гармонии и стабильности: *«Ты долго будешь расти, долго-долго... Увидишь старого человека, меня-другого... он сядет здесь, – поставит скамейку надо, – и погасающими глазами будет смотреть на сад, новый всегда»* (с. 511). Посаженный и выросший сад – залог того, *«что не порвется нить нашей жизни, потянет другую, родную нить... а ты будешь благодущным свидетелем новых жизней»* (511).

Обретенные и утерянные сады имеют в тексте эпопеи сакральное значение, соотносясь с Эдемским садом, в котором Бог поселил Ада-

ма, чтобы «возделывать его и хранить его» (Бытие 2:15). Говоря о новых хозяевах, разрушающих дома и участки земли, автор отмечает, что «...махом одним "рай" сволокли на землю» (с. 488) и считает, что современная Россия движется от гармонии к хаосу: «Помойка ведь надвигается. И уходит из этой помойки – в ничто!!» (с. 504).

В толковом словаре Д.Н. Ушакова лексема «помойка» – это «помойная яма, мусорный ящик (во дворе)» [Ушаков, 1939, с. 567]. Интересно, что в тексте произведения чаще всего последним пристанищем убитого человека становится не могила, заботливо выкопанная и отмеченная камнем (образ, отсылающий к христианской символике погребения Христа), а яма, овраг или подвал, т.е. ничем не закрытое углубление в земле: «Пятый день лежит Кулеш в человеческой теплице, все ждет отправки: не может добиться ямы» (с. 563); «<...> надо содрать сюртук, а потом вали в яму» (с. 631) и т.д. Подобное отношение к человеку является нарушением нравственных законов, преступлением против человеческого рода, маркирует путь к хаосу, поэтому в эпопее возникает персонифицированный образ земли, вторящей голосам неупокоенных людей: «Стонь ползут из балок... Да, вовсе не тюлень это, а самое сущее, земля стонет» (с. 631).

Поскольку революция воспринимается Шмелевым как начало Апокалипсиса, мотив отсутствия погребения имеет в тексте эпопеи существенное значение, так как согласно христианскому мировоззрению, человек, которого не предали земле, не сможет воскреснуть: «Теперь человек и могилы не находит» (с. 602), «Всюду они, лишённые погребения» (с. 611). Таким образом, земля у Шмелева, как и у Достоевского, имеет хронотопические характеристики, так как является конечной точкой земного существования и открывает путь в вечность.

Герой Шмелева понимает, что прежняя жизнь человечества подходит к концу, и принимает это. Оправданием мук для него становится вера в Воскресение, которое наступит одновременно с пробуждением природы: «Весна... Золотыми ключами, дождями теплыми, в грозах, не отомкнет ли она земные недра, не воскресит ли мертвых? Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет» (с. 631).

Таким образом, можно говорить о том, что образ земли у писателя амбивалентен, включен в оппозицию «жизнь – смерть». Не случайно в тексте мы находим сравнение лица умирающего человека с землей: «На лице-то у вас... земля выступила!» (с. 629), но при этом пребывание после смерти внутри земли не вызывает страх, поскольку погружение в нее связано с ощущением тишины и покоя: «Лучше теперь в земле, чем на земле» (с. 692); «Земля - лучше, земля покоит» (с. 516), «Спокойней в земле, старик. Добрая она, всех принимает щедро» (с. 586).

Заметим, что вышеуказанный образ земли является частью оппозиции «свой – чужой». Каменистая, выжженная солнцем, окруженная морем, горами и лесами земля для героя И. Шмелева «чужая», она противопоставлена «родной», о которой он упоминает только единожды. Своя земля – это родина, место, где живут русские люди. Она находится

на севере и ее основным отличием является почва, рождающая яблочные сады, и поля. Кроме главного героя, о родной русской земле упоминает дьякон, который готов принять непростой путь по «Руси великой», так как на родине *«Ничего мне не страшно: земля родная, народ русский»* (с. 605). Для дьякона любой человек на Руси – родной, поскольку их произвела одна Мать-земля: *«...братцы... все мы жители на земле, от хлебушка, да от господа Бога...»* (с. 605). Следовательно, родная земля – это еще и место, где верят в одного бога. Неслучайно мотив «чужая земля татарская...» многократно усиливается к концу произведения, что связано с внутренними изменениями героя, который, пройдя через искушения, отрывается от иной веры.

Заключение

В завершении исследования образа земли в творчестве Ф.М. Достоевского, А. Платонова и И.С. Шмелева можно сделать вывод, что восприятие образа земли у исследуемых писателей происходит в рамках мифопоэтической парадигмы, но при этом каждый из них создает свой миф. Земля в художественных текстах Ф.М. Достоевского – одновременно и свидетельница всего происходящего с человеком, и судья, который может наказывать и миловать, если преступление было искуплено страданием. В произведениях А. Платонова земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, согревает и дает убежище; если земля лишена влаги, она теряет свою способность быть матерью и кормилицей и может причинять вред. Для И. Шмелева плодородная земля – это сакральный образ, одухотворенное природное начало, вмещающая в себе христианские представления о святой Руси и языческие – о матери-сырой земле.

Как видим, для Ф.М. Достоевского, А. Платонова и И.С. Шмелева первоначально земля – это рождающее и возрождающее начало, что соответствует традиционному архетипическому образу земли во многих культурах. Но, к сожалению, свое древнее предназначение – быть матерью для всего сущего – земля может не выполнить, так как человек утрачивает связь с землей, оскверняет ее своими дурными помыслами и поступками. Земля, облагороженная трудом человека, становится воплощением гармонии и культуры, пренебрежение к ней ведет к разрушению и хаосу.

Литература и источники

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.: Диалект-Медиа, 1995. 257 с.

Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. № 7 (28). С. 611 – 617.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И – О. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с.

Демин В.Н. Тайны русского народа. М.: Вече, 1997. 560 с.

- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.
- Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен, 1959. 196 с.
- Костина А. Г.* «Вначале было слово»: (русское) слово в концептосфере повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» // Записки Горного института. СПб., 2005. Т. 163. С. 236 – 238.
- Кривалёва О. В.* Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 213 с.
- Кузнецов И.Н.* Предания русского народа. М.: Вече, 2008. 352 с.
- Лепяхин В.* Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историсофские категории святой Руси. Ч. 1. URL: <https://pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (дата обращения 23.02.2022).
- Максимов С. В.* Мать – Сыра Земля // Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильворг, 1903. С. 251–274.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова: 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 369, 371, 459, 586.
- Пименова М.В., Мошина Е.А.* Мифологема *Мать-сыра-земля* в русской языковой картине мира // Сибирский филол. журн. 2021. № 3. С. 138 – 151.
- Платонов А.* Земля [Электронный ресурс]. URL: <https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6> (дата обращения 25.01.2022.).
- Платонов А.* Луговые мастера // Избранные произведения / сост. М.А. Платонова. М.: Мысль, 1983. С. 727 – 730.
- Платонов А.* Такыр // Избранные произведения / сост. М.А. Платонова. М.: Мысль, 1983. С. 508 – 528.
- Платонов А.* Чевенгур // Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 188 – 552.
- Платонов А.* Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 25 – 188.
- Скуридина С.А.* *Мать-сыра-земля* как мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Вестн. славянских культур. 2016. № 4 (42). С. 143 – 150.
- Скуридина С.А.* *Небо* как мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Вестн. славянских культур. 2017. № 4 (47). С. 177 – 184.
- Скуридина С.А.* Об ономастических предпочтениях в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского // Русская речь. 2018. № 5. С. 84 – 90.
- Снигирева С.Д.* Идея принятия страдания в творчестве Ф.М. Достоевского и ее связь с тематикой раскола и мифом о земле // Litera. 2020. № 9. С. 51-63. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.9.33788 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33788 (дата обращения 25.01.2022.).
- Спиридонова Л.* Художественный мир И.С. Шмелева: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.
- Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 161–166.
- Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.

- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т 3. П - Ряшка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1939. 712 с.
Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 6–8. М.: «Русская книга», 1998 – 2000.

References

- Afanasyev A.N. (1995). *Poetic views of the Slavs on nature*. Vol. 1. Moscow: Direct-Media, p. 87. (In Russian).
- Bugakova N.B. (2021). *Water as a linguocultural constant of A. Platonov's creativity: onomastic aspect (based on the material of the novel "Epiphany Sluices")*. *Neofilologii*, no 7 (28), pp. 611-617. (In Russian).
- Dal V.I. (2006). *Explanatory dictionary of the living great Russian language*: In 4 vols., vol. 2. М.: RIPOЛ Klassik. P. 784. (In Russian).
- Demin V. N. (1997) *Secrets of the Russian people*. Moscow, Veche, 1997. P. 463. (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1972–1988). *Complete works in 30 vols.*, Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Ilyin I.A. (1959). *About darkness and enlightenment. The book of art criticism Bunin-Remizov-Shmelev*. Munich. 196 p. (In Russian).
- Kostina A. G. (2005). «In the Beginning was the word»: (Russian) the word in concept of the novel by V. Rasputin «Ivan's Daughter, Ivan's mother». *Proceedings of the Mining Institute*. SPb. T. 163. P. 236-238. (In Russian).
- Kriveleva O.V. (2008). *The Concepts of "heaven" and "earth" in Russian and German language pictures of the world*. Thesis. Ufa. 213 p. (In Russian).
- Kuznetsov I.N. (2008) *Traditions of the Russian people*. Moscow, Veche. 352 p. (In Russian).
- Lepakhin V. *The iconic image of holiness: spatial, temporal, religious and historiosophical categories of Holy Russia*. Part 1. Available at: <https://pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (accessed 23.02.2022). (In Russian).
- Maksimov S. V. (1903). The Mother – Land of Cheese. *Evil, unknown and power of the cross*. SPb. P. 251-274. (In Russian).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1997). *Dictionary of the Russian language of the Russian Academy of Sciences*. The Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., additional. Moscow, Azbukovnik. pp. 369, 371, 459, 586. (In Russian).
- Pimenova M.V., Moshina E.A. (2021). The mythologeme of Mother – raw – land in the Russian language picture of the world. *Siberian Philological Journal*, no. 3, pp. 138-151. (In Russian).
- Platonov A. *Earth* [Electronic resource]. Available at: <https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6> (accessed 25.01.2022.). (In Russian).
- Platonov A. (1983). Meadow masters. *Selected works*. Ed. M.A. Platonova. Moscow, Mysl, pp. 727-730. (In Russian).
- Platonov A. (1983). Takyr. *Selected works*. Ed. M. A. Platonova. Moscow, Mysl, pp. 508-528. (In Russian).
- Platonov A. (1988). Chevengur. *Juvenile sea: a tale of a novel*. Moscow, Sovremennik, pp. 188 – 552. (In Russian).
- Platonov A. (1988). *Juvenile Sea: novellas, novel*. Moscow, Sovremennik, pp. 25-188. (In Russian).
- Skuridina S.A. (2016). Mother-earth as a mythopoetic constant of F.M. Dostoevsky's creativity: onomastic aspect. *Bulletin of Slavic Cultures*, no. 4 (42), pp. 143-150. (In Russian).

Skuridina S.A. (2017). The sky as a mythopoetic constant of F.M. Dostoevsky's creativity: onomastic aspect. *Bulletin of Slavic Cultures*, no. 4 (47), pp. 177-184. (In Russian).

Skuridina S.A. (2018). On onomastic preferences in «Poor people» by F.M. Dostoevsky. *Russian Speech*, no. 5, pp. 84-90. (In Russian).

Snigireva, S. D. (2020). The Idea of accepting suffering in the works of F.M. Dostoevsky and its relationship with the themes of the division and the myth of the earth. *Litera*, no. 9, pp. 51-63. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.9.33788 Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33788. (In Russian).

Spiridonova L. (2014). *Art world I. S. Shmelev Monograph*. M.: IMLI RAN. 240 p. (In Russian).

Toporov V. N. (1980). Model of the world. *Myths of the world: an encyclopaedia*. Moscow, Sov. encyclopedia, vol. 2, pp. 161-166. (In Russian).

Toporov V. N. (1995). *Holiness and saints in the Russian spiritual culture*. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia. Moscow, Gnozis School "Languages of Russian culture". 875 p. (In Russian).

Ushakov D.N. (1939). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Vol 3. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 712 p. (In Russian).

Shmelev I. S. (1998 – 2000). *Collected works in 5 tt.* T. 6-8. Moscow, "Russian Book". (In Russian).

Сведения об авторах:

Скуридина Светлана Анатольевна – докт. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, saskuridina@yandex.ru

Бугакова Надежда Борисовна – канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации, ya_witch@mail.ru

Кузьминых Елена Олеговна – канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации, eleshka-82@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana A. Skuridina – grand Ph.D. of Philology, Associate Professor, Head of Department of the Russian Language and Intercultural Communication, saskuridina@yandex.ru

Nadezhda B. Bugakova – Ph.D. of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, ya_witch@mail.ru

Elena O. Kuzminykh – Ph.D. of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, eleshka-82@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 12.03.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.